

«Наше время кончилось»: эсхатологические мотивы в рассказах о Холокосте

Светлана Николаевна Амосова

Институт славяноведения РАН,
Москва, Россия
Младший научный сотрудник

ORCID: 0000-0001-7614-6549

Центр славяно-иудаики Института славяноведения РАН
119334, г. Москва, Ленинский проспект, 32 А
Тел.: +7 (495) 938-17-80, Fax: +7 (495) 938-00-96
E-mail: sveta.amosova@gmail.com

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РНФ № 23-28-00796
«Каталог текстов и сюжетов о Холокосте (на материалах экспедиций, соцмедиа
и СМИ)», <https://rscf.ru/project/23-28-00796/>

DOI: 10.31168/2658-3356.2023.12

Аннотация. В статье рассматриваются вернакулярные формы памяти о войне и Холокосте. Материалами для статьи послужили интервью, записанные в бывших еврейских местечках России (Смоленская, Брянская области), Беларуси (Витебская, Могилевская, Гродненская области), Украины (Ивано-Франковская область), Латвии (Латгалия) и Литве (г. Биржай) в 2009–2017 гг. В статье анализируются фольклорные / клишированные тексты о Холокосте. Одним из основополагающих в рассказах о Холокосте является мотив о несопротивлении евреев во время расстрела. В индивидуальных текстах этот мотив может быть воспроизведен по-разному. Данные нарративы, по сути, являются неким переходным жанром от устной истории к фольклору. С одной стороны, перед нами личные воспоминания и повествование о пережитом опыте, но, с другой стороны, при их анализе можно отметить повторяющиеся речевые клише, встречающиеся в рассказах разных информантов, и набор общих сюжетов, которыми описываются причины несопротивления евреев. Как нам кажется, мы имеем дело с особым сформировавшимся жанром локальной фольк-

лоризированной истории. Зачастую речевые клише, используемые при описании и объяснении событий, связаны с понятиями «судьбы» и эсхатологическими представлениями «конца времен» для евреев. Нарративы, которые рассматриваются в статье, дополняют, расширяют и уточняют географию бытования ряда сюжетов, вводятся в научный оборот новые тексты, что позволит в дальнейшем работать над указателем сюжетов и мотивов по этой теме.

Ключевые слова: *Холокост, устная история, фольклоризация, евреи, этнография соседства*

Долгое время тема Холокоста не была объектом специальных исследований, и даже устноисторические и фольклорные тексты о событиях войны на оккупированных территориях не публиковались исследователями. За последние два десятилетия вышло несколько статей и публикаций по этой теме [см., например: Амосова 2015; Белова 2014; Белянин, Закревская 2023; Никитина, Лейдерман 2023; Розенблат, Еленская 2009; Энгелькинг 2018; Shternshis 2014]. В ряде публикаций, где исследователи описывали локальный или «еврейский» текст местечка или же стереотипные представления о евреях, также встречаются нарративы о Холокосте и судьбе евреев во время войны [см., например: Амосова 2016; Белова 2013; Мороз 2015; Савина 2017; Ясинская 2017]. Однако ряд аспектов памяти о Холокосте остается недостаточно изученным. Речь идет об индивидуальных нарративах, описывающих события, которые произошли в местечках, где живут информанты, и зачастую основанных на личном опыте. Исследователи обратили внимание, что многие устноисторические тексты о событиях Холокоста клишированы, их можно рассматривать как устноисторические тексты-стереотипы [Белова 2014, 294], как фольклорные формы локальной памяти [Энгелькинг 2018] или же как фольклорные тексты [Белянин, Закревская 2023]. В статье я рассмотрю ряд нарративов, в которых события Холокоста рассматриваются, как мне кажется, через призму апокалиптических и эсхатологических представлений. Текстологический анализ этих нарративов позволяет нам не только проанализировать их сюжетно-мотивную структуру, но и понять, как в пределах устного индивидуального текста личная память вза-

имодействует с коллективной и в каких образных и языковых клише это воплощается. Важным элементом этих нарративов являются повторяющиеся речевые клише, которыми информанты описывают события; я выделю клише, которые чаще всего встречаются в интервью, и проанализирую географию их распространения.

Материалами для статьи послужили интервью, которые были собраны в экспедициях центра «Сэфер» и музея «Евреи в Латвии», а также в индивидуальных экспедициях автора. Основной целью полевой работы являлась запись представлений о евреях и стереотипов о них, бытующих среди этнических соседей в бывших еврейских местечках. География экспедиций была довольно широкая: Россия (Смоленская, Брянская области), Беларусь (Витебская, Могилевская, Гродненская области), Украина (Ивано-Франковская область), Латвия (Латгалия) и Литва (г. Биржай). Все материалы были записаны в 2009–2017 гг. от информантов 1920-х – 1930-х гг. рождения, которые являлись непосредственными свидетелями событий Холокоста и даже помнили довоенную жизнь местечек. Также был записан ряд интервью от «второго поколения», т.е. людей 1940-х – 1950-х гг. рождения, которые пересказывали рассказы своих старших родственников или соседей. Зачастую тема Холокоста не являлась основной в интервью, о ней интервьюер не спрашивал специально, но как только сообщалось, что собираются истории о евреях, то одной из первых и главных тем рассказов становились именно события Холокоста и войны.

Можно выделить несколько основных тем, которые появляются в наших интервью в рассказах о Холокосте и судьбе евреев во время войны:

- истории о еврейской жизни во время оккупации (жизнь в гетто и другое);
- истории о массовом убийстве в городе;
- истории о спасении евреев;
- истории о «божественном наказании» участников убийств евреев;
- истории о «еврейском золоте» и поисках сокровищ;
- истории о причинах убийства нацистами евреев;
- нарративы о местах массовых убийств и современном состоянии места расстрела.

В статье я не буду рассматривать все основные темы, связанные с Холокостом, а обращусь лишь к двум типам историй – нарративам о массовом убийстве евреев и о причинах убийства евреев нацистами. Нарративы, которые я буду рассматривать, можно отнести к вернакулярным формам памяти, которые от индивидуального рассказа и воспоминания перешли к объективизации наррации, которую А. Энгелькинг назвала процессом фолькоризации [Энгелькинг 2018, 29]. В процессе превращения устной истории в фольклор рассказы обретают элементы фольклорного текста. Повествовательный шаблон традиции начинает доминировать над конкретными историческими деталями, т.е. в исторический текст включаются «мифологические» мотивы, характерные для разных фольклорных жанров, в нарративах появляются библейские аллюзии и скрытые цитаты, сакрализованная фигура общинного лидера, сопоставление числа жертв и палачей и др. В ряде этих устно-исторических нарративов можно выделить несколько сюжетов, которые были записаны в различных регионах, однако можно отметить и сюжеты, встречающиеся лишь в отдельных местечках. В статье будут рассмотрены также некоторые речевые клише, с помощью которых информанты описывают события Холокоста в их местечках.

Одним из центральных или ключевых мотивов рассказов о Холокосте является **мотив несопротивления евреев** во время расстрела. Следует отметить, что этот общий ключевой сюжет разделяется на ряд различных подсюжетов или мотивов, а также можно выделить ряд речевых клише и общих мест, которые с ним связаны. На уровне речевых клише / формул или даже отдельных сюжетов эти темы могут быть оформлены по-разному в индивидуальных рассказах. Сюжет о несопротивлении евреев связан зачастую с концептом судьбы: война и Холокост воспринимаются как каприз, которому нельзя противостоять.

«Они шли, як овечки»

В местечке Бешенковичи в рассказах о том, что евреи шли на расстрел и не сопротивлялись, они противопоставляются местному населению, которое, по мнению информантов, никогда бы так не поступило. Появляются сравнения евреев со стадом животных: «шли как овечки», «гнали как баранов»; такое поведение

объясняется тем, что это «такой народ» или они считали, «что так нужно».

Тут их похоронено за Двиной. Их вели толпой, их там очень много расстреляли, там направо в лесу, там после делали как мемориал. Теперь там всё разволокли, ничего там нет. Их много <...> расстреляли. Я помню, что говорили, что вляли их туда толпой, **они шли, як овечки**. <...> [А никто не утекал из них?] Они **такой народ, раз так надо, значит, надо** [Besh_16_Hatkewich].

Тридцать тысяч завели на Стрелку и расстреляли там. **Их гнали, как баранов**. Ну, наш человек никогда бы так не пошёл, это же утечь можно было. Гнали три человека [Они не утекали?] Нее, их поставили к яме и всех туда сложили [Besh_16_Soshnevy].

Е. Розенблат и И. Еленская отмечают, что в рассказах из западных областей Белоруссии мотив пассивности евреев является одним из самых устойчивых и распространенных [Розенблат, Еленская 2009, 156]. Подобное сравнение характерно не только для Белоруссии: например, оно встречается и в Латгалии.

Соб.: А евреи не знали, что их ведут на расстрел?

Инф.: Ну, все рассчитывали на жизнь, никто не думал, когда их повернули, был крик.

Соб.: Никто не пытался сопротивляться?

Инф.: Нет, они евреи **они такой народ**, что **они, как овечки** [Kras_12_16_Kosinskiy].

Опираясь на довольно значительный корпус интервью из Брестской области, Е. Розенблат и И. Еленская указывают, что в большинстве случаев несопротивление еврейского населения объясняется стереотипом о «еврейской трусости» [Розенблат, Еленская 2009, 158]. В наших же текстах, как мне кажется, в большей степени представлена идея фатальности и неизбежности гибели еврейского населения, а также представление о судьбе, которую нельзя изменить.

Да, 1068 евреев за Двиной погибло. Я очевидец, можно сказать. Собирали, гнали. Сами себе яму копали, там рас-

стреливали и яма дышала. [А вы что бачили?] Я что бачил? Дядя мой, он ещё на войну не пошёл, не хватало ему годов. Дак заставляли немцы, ну по городу, по Бешенковичам, видят немцы и хоп, и убирались. А тут его в наряд, а дело было зимой, зимой собирали по Бешенковичам и туда, а которых живых ловили и туда гнали. А наших, допустим, наших одного пленного ведут два немца и ён старается удрать. А там два немца и двадцать вели туда, они только: ой-ёй-ёй! [А почему?] Немцы расстреливали [А почему не убежали?] Разговор вели: **нам так суждено** [Besh_16_Prokofev 1].

Эти тексты можно охарактеризовать как эсхатологические: именно в таком ключе анализирует рассказы о войне и Холокосте из белорусского и украинского Полесья польская исследовательница А. Энгелькинг. Она показывает, что война воспринимается крестьянами как природная стихия, которая охватывает все человечество, жертвами становятся все и противиться этому совершенно невозможно [Энгелькинг 2018, 35–36].

«Слово раввина»

С мотивом еврейского несопротивления и покорности смыкается еще один, который О. В. Белова назвала «словом раввина» [Белова 2014, 291]. Именно раввин в наших записях призывает евреев к несопротивлению или является ключевым персонажем, который проводит людей на расстрел.

<...> Да, около Берзенихи. Их вот тут и вели, вот так за речку, второй мост, вот будете – второй мост, и потом направо, и там сосенки, и увидите. Они уже чувствовали, но шли люди. **Раввин впереди, раввин**, а конвой – два немца пьяных. Вот идёт, так беги, беги! Лучше смерть на лету поймать, ну, повезёт, повезет, а нет, так нет. Они шли, **как стадо баранов**. А идут через речку, что осталось, они в речку бросали [Sub_12_05_Potashov_Balodis].

В этом тексте, записанном в местечке Субате (Латгалия), раввин не произносит никакой речи, однако он возглавляет колонну. Здесь также появляется устойчивое речевое клише, которое характерно для ряда белорусских текстов, описывающих евреев, которые идут

на расстрел: «как стадо баранов». Еще в одном тексте из этого же местечка раввин призывает евреев к повиновению, и они не оказывают сопротивления.

Инф.: <...> Ну, удивлялись, почему они так не разбежались. Так шли, говорит.

Соб.: А почему они не разбежались?

Инф.: Ну у них закон, слышал, что у них закон такой.

Раввин сказал: повинуйтесь. И они идут так, повинуются [Sub_12_17_Cherkasov].

Подобные рассказы о слове / благословении раввина на смерть распространены в различных регионах. Так, О. В. Белова опубликовала несколько текстов из пгт Желудок Гродненской области Белоруссии [Белова 2014, 290–291]; Е. Розенблат и И. Еленская также упоминают этот мотив и приводят несколько полных текстов из Брестской области [Розенблат, Еленская 2009, 157, 172–173]; А. Цала также приводит подобные тексты, зафиксированные в Восточной Польше в окрестностях Пшемышля [Cala 1995, 96]. Собранные нами тексты происходят из Латгалии и Галиции. Таким образом, этот мотив имеет довольно широкое распространение, но в основном тексты записываются в регионах, которые до 1939 или 1940 г. не входили в состав СССР, а соответственно, там были раввины и активная еврейская религиозная жизнь. В нашей коллекции исключение составляют два текста. Первый был зафиксирован в Бешенковичах, однако в данном тексте раввин меняется на другого персонажа, который обладает большим авторитетом и является знаковым для местных евреев, но не имеет никакого отношения к религиозной жизни.

За Двиной выкопали яму, значит, и сказано было, что евреев завтра будут убивать. И их всех собрали, и папа, папа же был очевидцем, собрали там, и всех в одной колонне довели. Довели вниз, там сейчас магазин называется «Ромашка». Там заставили раздеться до нижнего белья, а это был февраль месяц. И потом вдоль Двины четыре конвоира – спереди, сзади, по бокам – вели их на расстрел, на эту сторону. [А раввин был с ними?] Не знаю, кто был с ними, но накануне этого, вот папа говорил, вот в этом доме их главный.

Забыла фамилию, **но он был начальником Доротдела, он собрал их и сказал: «Мы должны принять это всё, как кару Божью». Нам надо, мы должны.** [А почему?] Не знаю почему. И они согласились. Но их вели четыре конвоира, вот впереди один и два по бокам. И их довели до этой ямы и там расстреливали [Besh_16_Voronko].

Второй текст был записан в Полоцком районе Витебской области, где также авторитетным лидером выступает раввин [см: Белова 2014, 291–292]. Можно предположить, что данный мотив имел в качестве основы какой-либо антирелигиозный публицистический текст или тексты, но найти этот источник или источники нам пока не удалось.

«Наше время кончилось»

Если обратиться к анализу развернутых текстов, которые якобы произносил раввин перед расстрелом евреев, то фиксируется ряд общих мест, характерных для разных регионов. Так, в большинстве текстов, записанных в Западной Белоруссии, появляется речевое клише «наше время кончилось» / «нам пришло время уже». В текстах появляется идея конечности истории народа, некоего локального апокалипсиса, но не общие эсхатологические представления, когда гибнут все люди, а лишь окончание существования одной группы. Такая речевая формула зафиксирована в текстах, записанных в г. Глубокое Витебской области, пгт Желудок Гродненской области и в Брестской области.

И ён [раввин. – Н.С.] сказаў, ён сказаў: «Нам так надо, **пришло время**, нам надо, так погибать надо такой судьбой». Всё, они ему и поверили. Да. [Сопrotивляться не надо?] Не, и ёны не сопротивлялись. «Нам так надо». Всё. [Почему так?] Ну не знаю. Это яны... яму... ён священник. Ён сказал, як надо, яны все застались жа: «**Всё, это так пришло время наше такое**» [Савина 2017, 173].

Люди говорили, что рабин на немецкую машину залез и сказал, что «**наше время кончилось**, не пробуйте не уцикаць, ничего. Мы уже свое отжили». Он успокоил людей. Ему, наверное, приказали немцы. Они были на трех-четырёх маши-

нах. Человек 30 немцев и 2 тысячи человек расстреляли [Сидорова-Шпилькер 2013, 42].

Помню, як немцы расстреливали их. Выйшав ихни рабин, самы старшы. И сказав: «**Не бойцесь, нам пришло время уже**. Это было давным-давно нужно уже». А пришло время такое и усе пашли [Белова 2014, 290].

Были слухи, что раввин собрал евреев и сказал: «Мы согрешили, не сопротивляйтесь, **наше время пришло**, мы должны уйти» [Розенблат, Еленская 2009, 172].

«Так хочет Бог»

В Латгалии же раввин произносит сходный по смыслу текст о том, что это решение свыше, которому нельзя противиться, но речевое клише иное, чем в белорусских текстах – в этих текстах есть ссылка на Бога: «так хочет Бог» / «так Богу надо».

Как у нас поп, а у них как называли? Рябин, рябин. И три, три только охранника шли, три охранника шли, вели их, столько много вели, может быть, человек каких пятьсот вели, и три охранника. Я говорю, да я бы, я была бы женщина, я бы этих охранников на месте бы прикокола бы и разбежалась, разбежались бы, я бы Бог знает, где была. А рябин их уговаривал: **Это так Богу надо, это так нас Бог, это так Богу надо**. А такие мальцы, здоровые такие мальцы шли на смерть [Sub_12_09_Mikhailovy].

<...> в Илуксте которых вели, вели их мало, эти айсерги называлось, айсерги вели их, понимаете, молодые мужики, там их три-четыре, а ведут по 20–30 человек, зажать могли. Но раввин ихний сказал, что нельзя, это значит, **Бог так хочет**. Вот. Нельзя трогать. Запретил [Sub_12_15_Uzola].

Они шли очень мирно, никто никакого сопротивления не оказывал. [А почему?] Ну, говорят, что рябин – это их священник – им сказал, что они не должны никакое сопротивление оказывать, что **так это Бог сказал**, что это так должно быть, мы должны погибнуть. И они шли очень мирно. <...> [Sub_12_16_Zaiceva].

Знаете, я слышал такую вещь, что раввины евреям, которых, значит, которые были обречены, объясняли такую вещь, что сопротивляться не нужно, бесполезно, и это, как говорится, **якобы наказание от Бога**, за что не знаю. Такое я слышал, не могу сказать откуда. Раввины якобы, как говорится, такой посыл давали, чтобы человек был спокоен [Kras_12_19_Malinovsky].

Еще одним устойчивым мотивом в рассказах о расстрелах во всех регионах, где были записаны интервью, является указание на количество: всегда подчеркивается, что жертв было много (несколько десятков, сотен или даже тысяч), а вот конвоиров крайне мало (например, два, три, четыре): у жертвы была возможность спастись, но она не сопротивлялась, потому что иначе это противоречило бы некому высшему замыслу.

«Не плачьте, не сумуйте, не чикайте»

В селе Лысец Ивано-Франковской области Украины также записан текст о раввине, который «благословляет» свою паству на смерть, но речевое клише здесь отличается от белорусских и латгальских вариантов.

Один був у Франківське на тім мисте, де жідів постріляли. Прийшли до тієї жідівської божниці, вийшов рабін і казав, казали встати, повернутися до них і він іс приказанья таки, вынес те приказання и читав, и там сказано: **«Не плачьте, не сумуйте, не чикайте»**. Німець казав, чотири німці, вони каже цею: «Поверніся до мені». Він повернувся, вклонився їм, каже: «Не плачьте, не сумуйте, не чикайте». Каже: «Іди, тут записано: маєте своїм ходом ийти». <...> В могилу. І вони нікуди не чикали, голову так поклонились і там пішли. Так их там расстрілювали. Так їх там розстрілювали. А розстрілювали там день і ніч, була така яма, було повалци, там було повалци, стояв німець с пулеметом і всі день і ніч, і вони падали, падали. День і ніч постійно били [IF_Lys_02_Shpilyarevich].

Раввин в этом нарративе не просто произносит эти слова, а читает их из некой книги, которая хранилась в синагоге, и там было записано предсказание о судьбе евреев, что спастись не нужно.

Сама формула «не плачьте, не сумуйте, не чикайте» похожа на формулы десяти заповедей, к которым как раз отсылает данный текст. Здесь еще появляется устойчивое речевое клише, которое, например, встречается в белорусских текстах: «сами до гробу пойдут / живыми до гробу пойдут» [см.: Белова 2014, 296], или же как в этом тексте: «маете своїм ходом ийти».

«Судьба наша такая»

Еще одно речевое клише, которое встречается в текстах, записанных на разных территориях, также можно отнести к типу клише, относящихся к определенности и предначертанности судьбы, невозможности ее изменить, а следовательно, в этой ситуации избежать гибели. Формула «судьба такая» встречается, в отличие от остальных формул, в записях из разных регионов. Так, у нас есть записи из Галиции (с. Букачивцы Ивано-Франковской области), юго-восточной Латвии (г. Субате), Западной Белоруссии (пгт Желудок Гродненской области). Стоит отметить, что только в одном из текстов это клише вставляется в речь раввина, в остальных случаях это говорят евреи, которые отказываются спастись.

Мама підгодує, підгодує, потім відправляла. А були такі: «Я не хочу йти, тому що нам так написано». Каже: «Написано то вам, но ти ж можеш спастися?» Те батька їх відправляв. [То есть некоторые отказывались?] Так, **це нам судьба такий**, така судьба. Потому что Каин убил Авеля, в общем це таке, но все равно вси цей відправлял в торбу каких хоть сухарей, чегось и лісам: «Ідите» [IF_010_Buk_02_Anna].

Соб.: А не говорили, почему они не убежали?

Инф.: А вот им сказали ихние, ну, как сказать, что **наша судьба, так надо нам**. Они спокойно так шли, не плакали. Ничего так. Так, как не на смерть. И говорили: одних стреляло, а другие на очереди так в яму, так говорили.

Соб.: Они говорили, что у них судьба такая?

Инф.: Да, так говорили. **Судьба такая им надо. Такая судьба** [Sub_12_03_Romanovska].

Ну, и когда, вот, уже гнали их... а с собаками немцы понаезжали, всё, они шли начали кричать: ну, это страшно, представьте, что смерть какая тебе ждёт и – уже это по рассказу –

во, сама ни мама не видела. И гнали их, они плакали, кричали. А вот ихний рабин и сказал йим, что **«наша такая судьба и мы должны смириться с этим»**. И вот после того поговорил он с ними, и они успокоились. <...> [А почему рабин им сказал, что судьба у них такая? За что?] Ну... за что? Всё время гаварыли, что жида Иисуса Хрыста казнили! Вот ихна судьба така, что им надо за это тоже отпокутывать всё [Белова 2013, 74].

Последний текст интересен тем, что появляется еще один мотив, объясняющий причины Холокоста и, следовательно, невозможность спасения евреев, – это их расплата за распятие Иисуса Христа.

«Его кровь на нас»

Как в тексте из белорусского Желудка, так и в приведенном ниже тексте из г. Краславы в Латгалии, который приведен ниже, мотив кары за распятие Христа контаминируется с мотивом обращения раввина.

<...> **Оказывается, все же это виноват равин еврейский. Он их, значит, настраивал, что там. Как он обращался: «Отцы, дети?» Как там у них я не знаю, что это наша кара за то, что еврейский народ причинил христианству, за Иисуса Христа. Это наша расплата. Вот так настраивал.** <...> Да, и тут, конечно, если бы евреи бежали тогда из Дагды, там же Освейские болота, ой. Немцы еще, там есть такие точки, где за пять лет ни одного немца не было. Освейские болота, там острова такие. Там партизанский край начался. И можно было скрыться, можно, **поскольку Всевышний повел нас на эту каторгу, евреи так** <...> [Kras_12_01_Egorov].

В Латгалии этот мотив встречается в нескольких вариантах, в том числе таких, где нет фигуры раввина, но причиной Холокоста считается расплата за распятие Иисуса Христа. Вот несколько текстов, которые были записаны в г. Аглона, г. Резекне и с. Вишки.

Папа рассказывал <...> Он шёл через мост в Даугавпилсе, и папа горевал, так как он был свободен от армии, и шёл он, и слышал, что ведут евреев раздетых до половины через

строй и плетками, и ужас один. И он не мог вынести, и слышит он, а слух хороший у молодого человека: «**Ой, мы это заработали**». [Это евреи так говорили?] Так, да, это который старше говорил, которому моложе, сказал. Папа говорил, так жалко их было. [А вот говорили: заработали? А за что?] **Ну это Христа не признали бывшие предки**, не они сами. А потом-то я слышала другое: что они все виноваты. Но наши предки, который народ не грешит? Нет таких народов [Agl_13_01_Agloinite].

Эта история идёт, **когда Христа распяли, сказали: это кровь будет всегда над нами**, ну вы будете всю жизнь гонимы. Так вот гонения есть по всему свету. Так вот и Великая Отечественная война – гонения были на евреев. <...> И вот евреев во время войны много расстреляли, убивали [а почему убивали?] Вот из-за этого гонения. Это я опять же скажу и из-за религиозной стороны, да, что евреи и поляки, что евреи все портят, портят, они избранные и портят [Так они избранные или портят?] Они избранные и портят всю нам жизнь, почему они сюда пришли, они должны быть у себя на родине [Vish_13_06_Bicane].

[А почему евреев убивали?] Ну это надо смотреть с Германии. Но если так... То **евреи Христа распяли** [Rez_15_14_Racko].

Как отмечают исследователи, стереотипные представления о связи убийств во время Холокоста с распятием Христа очень распространены [Белова, Петрухин 2008, 228–230; Мороз 2021, 163–164]. Холокост воспринимается как расплата, в различных записях информанты отсылают к фрагменту Евангелия: «Кровь на нас и на детях наших» (Матф 27:25). Здесь появляется мотив судьбы и предсказания: евреи знали, что рано или поздно их ждет расплата за содеянное. Мотив расплаты имеет очень широкое географическое распространение. В частности, А. Б. Мороз приводит тексты из Велижского района Смоленской области [Мороз 2021, 163–164]¹.

¹ В фильме польско-американского режиссера Агнешки Холанд 2011 г. “In Darkness” («Во мраке») на тридцать первой минуте фильма, когда главный герой Леопольд Соха, который помогает евреям прятаться, разговаривает со своей женой и хочет рассказать ей о том, что он помогает евреям, появляется имен-

«Сегодня нам, завтра будет и вам»

Еще один мотив, на котором хотелось бы остановиться, это связь судеб местного нееврейского населения и евреев. А. Энгелькинг, анализируя тексты, записанные от полесских крестьян, отмечает, что белорусские крестьяне говорят о сходстве судеб белорусов и евреев: евреев расстреливали, а белорусов сжигали целыми деревнями или же угоняли на работы в Германию. Исследовательница подчеркивает параллелизм судеб жертв в этих рассказах, зачастую именно мотив сходства судеб маркирует весь рассказ о войне и Холокосте [Энгелькинг 2018, 32–34]. Подобные тексты были записаны и в Латгалии (в г. Субате и г. Прейли), где нееврейское население (особенно старообрядческое) говорило о том, что были слухи, будто после евреев будут расстреливать и другие группы населения.

При немцах, да. Вот, этим, кто... кого не расстреляли ещё. Ну, они по частям стреляли. Партию сгонят – расстреляют, потом, через несколько дней вторую гонят. А остальным, которых не расстреляли, им нашили звезды на спину, жёлтые такие. По тротуару они не имели права ходить, только по проезжей части. Вот. И вот, кто-нибудь у нас придёт в школу и говорит: **«Вот, завтра за нам[и] придут, нас будут расстреливать!»** [Еврейские дети, да?] Не-а, эти, русские, свои. Знаете, может какая молва, где-то прошла или что-то. Мы книжки собираем и ходу, и ходу <...> [DU MVC 794].

Да, такие слухи были, говорили, что **евреев расстреляют, будут русских расстреливать**. Не то, что староверов, будут русских расстреливать. Но говорили тогда, что немец дал приказ, чтобы не расстреливать. А что это всё местные расстреливали, ни один немец не выстрелил [Sub_12_16_Zaiceva].

Только вот **на второй день нам уже сказали, что русских будут стрелять**. Тогда мы уже оселись, значит, нечего нам жить. Так и жили. <...> Ходили по сараям, закрывали нас. [Да?] Да. Русских хотели стрелять [Sub_12_14_Buchanova_1,2].

но эта отсылка к Евангелию от Матфея, и жена не говорит прямо о том, что помогать евреям – грех, но намекает на то, что спасение евреев противоречит замыслу Бога.

Инф. 2: Это не люди, это скоты <те, кто расстреливал>. Нация им не нравилась. Они и русских хотели сделать. [Инф. 1: Да! Русских потом] Инф. 2: **Они евреев, а потом хотели русских.** Но когда уже в Даугавпилс пришли русские, тут они уже маленько поскрывались кто куда, кто куда сбежал. Вот как было [Sub_12_09_Mikhailov].

В ряде текстов данные слухи оформляются в виде предсказания, которое произносят евреи, идущие на расстрел.

<...> Получилось, почему их сразу стали выгонять из домов, я лично видел, я стоял с матерью. **Только помню это Поташ, мать Поташа сказала: «Сегодня нам, завтра будет и вам».** Эти слова были, так и получилось. Тут их расстреляли, тут пришли русские, тут еще и наших родителей в Сибирь загнали, и я попал тоже в Сибирь <...> [Kras_12_24_Airapetov].

В этом тексте информант говорит о том, что еврейское предсказание сбылось уже после войны, когда в марте 1949 г. многие семьи из Латвии были депортированы в Сибирь. Зачастую эти события (первая депортация в июне 1941 г., война, Холокост и вторая депортация в 1949 г.) в Латгалии рассматриваются как единый комплекс, который полностью поменял судьбу людей, изменил облик местечек, то есть как некое эсхатологическое событие.

В Латгалии, несмотря на распространенность сюжета о сходстве судеб евреев и неевреев, не появляется какой-либо речевой формулы, которая бы маркировала этот сюжет, а вот в белорусских текстах, записанных в г. Лепеле, и украинских из пгт Солотвин Ивано-Франковской области появляются сходные устойчивые формулы-предсказания: «Нами учинят, вами замесят» / «Нами расщепят, а вами замесят» [Белова 2014, 288; Мороз 2015, 48].

Анализируя рассказы о Холокосте и войне, О. В. Белова и А. Энгелькинг отмечают, что они приобретают формульность, превращаясь в типизированный текст, однако зачастую не утрачивают полностью достоверность: в текстах остаются имена жертв и палачей, количество жертв и указание на место казни [Белова 2014, 295; Энгелькинг 2018, 41]. Значимыми элементами этих повествований становятся идея неизбежности судьбы и апокалиптические на-

строения. Для описания Холокоста в бывших еврейских местечках характерны представления о войне как о всеобщей катастрофе и локальном апокалипсисе. Мы рассмотрели лишь часть формул и сюжетов, которые встречаются в проанализированных нарративах. В целом каталогизация сюжетов и выявление речевых клише и стереотипов, сопоставление текстов из разных регионов представляются нам очень важными и перспективными задачами. Нарративы, которые рассматриваются в статье, дополняют, расширяют и уточняют географию бытования ряда сюжетов, вводятся в научный оборот новые тексты, что позволит в дальнейшем работать над указателем сюжетов и мотивов по этой теме.

Информанты

АЦС, Besh_16_Voronko – Полевой архив Центра научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер», зап. в пгт Бешенковичи Витебской обл. Республики Беларусь от Воронько Ирины Романовны, прим. 1956 г.р., род. в пгт Бешенковичи. Соб. А. А. Рэдулеску.

АЦС, Besh_16_Hatkewich – Полевой архив Центра научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер», зап. в пгт Бешенковичи Витебской обл. Республики Беларусь от Хаткевича Александра Кузьмича, 1942 г.р., род. в д. Доброгоры Бешенковичского р-на Витебской обл. Республики Беларусь. Соб. А. Н. Синило, А. А. Рэдулеску.

АЦС, Besh_16_Prokofev_1 – Полевой архив Центра научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер», зап. в пгт Бешенковичи Витебской обл. Республики Беларусь от Прокофьева Николая Пименовича, 1935 г.р., род. в пгт Бешенковичи. Соб. А. Н. Синило, А. А. Рэдулеску.

АЦС, Besh_16_Soshnevy – Полевой архив Центра научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер», зап. в пгт Бешенковичи Витебской обл. Республики Беларусь от Сошнева Виктора Андреевича, 1951 г.р., род. в пгт Бешенковичи. Соб. Р. Зенюк, А. Пахомова.

АЦС, Kras_12_01_Egorov – Полевой архив Центра научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер», зап. в г. Краслава в Латвии от Егорова Олега Константиновича, 1931 г.р., род. в г. Дагда в Латвии. Соб. С. Н. Амосова, Е. Смирнова.

АЦС, Kras_12_19_Malinovsky – Полевой архив Центра научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер», зап. в г. Краслава в

- Латвии от Малиновского Яниса (Ивана Ивановича), 1939 г.р., род. под г. Краслава в лесничовке (доме лесничего). Соб. С. Н. Амосова, М. Гехт.
- АЦС, Kras_12_24_Airapetov – Полевой архив Центра научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер», зап. в г. Краслава в Латвии от Айрапетова Виктора (Давида) Соломоновича, 1926 г.р., род. в г. Краслава. Соб. Ю. О. Андреева, В. Иванов, Д. В. Терешина.
- АЦС, Kras_12_16_Kosinskiy – Полевой архив Центра научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер», зап. в г. Краслава в Латвии от Косински Ромуальда, 1930 г.р., род. в д. Озалкауэ в Латвии. Соб. Ю. О. Андреева, Д. В. Терешина.
- АЦС, Sub_12_17_Cherkasov – Полевой архив Центра научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер», зап. в г. Субате в Латвии от Черкасова Федора Ильича, 1937 г.р., род. в д. Валтаре Резекненского р-на в Латвии. Соб. Ю. О. Андреева, Д. В. Терешина.
- АЦС, Sub_12_09_Mikhailovu – Полевой архив Центра научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер», зап. в г. Субате в Латвии от Михайловой Серафимы (Инф. 2), 1935 г.р., род. в Даугавпилском р-не; Михайлова Михаила (Инф. 1), 1935 г.р., род. в г. Субате в Латвии. Соб. М. Д. Алексеевский.
- АЦС, Sub_12_26_Potashov_Balodis – Полевой архив Центра научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер», зап. в г. Субате в Латвии от Поташова Павла Абрамьевича, 1951 г.р., род. в г. Субате в Латвии; Балодиса Олега, 1964 г.р., род. в г. Субате в Латвии. Соб. С. Н. Амосова, М. В. Вятчина
- АЦС, Sub_12_15_Uzola – Полевой архив Центра научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер», зап. в г. Субате в Латвии от Узолы Валерии Станиславовны, 1937 г.р., род. в г. Илуксте в Латвии. Соб. С. Н. Амосова.
- АЦС, Sub_12_16_Zaiceva – Полевой архив Центра научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер», зап. в г. Субате в Латвии от Зайцевой Доминики, 1932 г.р., род. в г. Субате в Латвии. Соб. В. Иванов, Е. Смирнова.
- АЦС, Sub_12_03_Romanovska – Полевой архив Центра научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер», зап. в г. Субате в Латвии от Романовска Ванды, 1929 г.р., род. в г. Субате в Латвии. Соб. С. Н. Амосова.
- АЦС, Sub_12_14_Buchanova – Полевой архив Центра научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер», зап. в г. Субате в Латвии от Бучановой Марфы Матвеевны, 1929 г.р., род. в г. Субате в Латвии. Соб. С. Н. Амосова.
- АЦС, Rez_15_14_Racko – Полевой архив Центра научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер», зап. в г. Резекне в Латвии от

- Рачко Генриха, 1949 г.р., род. в г. Резкне. Соб. К. Гансовская, С. Погодина.
- АЦС, IF_Lys_02_Shpilyarevich – Полевой архив Центра научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер», зап. в с. Лысец Ивано-Франковской обл. Украины от Шпиляревича Людвиг, 1929 г.р., род. в с. Лысец. Соб. С. Н. Амосова.
- АЦС, IF_010_Buk_02_Anna – Полевой архив Центра научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер», зап. в с. Букачивцы Ивано-Франковской обл. Украины от Анны Петровны, 1947 г.р., род. в с. Букачивцы. Соб. С. Н. Амосова.
- АМЕЛ, Agl_13_01_Agloinite – Полевой архив музея «Евреи в Латвии» (г. Рига), зап. в г. Аглона в Латвии от Аглоините Марии, 1937 г.р., род. в г. Риге в Латвии. Соб. С. В. Просина, М. В. Вятчина.
- АМЕЛ, Vish_13_06_Vicane – Полевой архив музея «Евреи в Латвии» (г. Рига), зап. в с. Вишки в Латвии от Бичане (Аглониеге) Марты, примерно 1962 г.р., род. в г. Аглона в Латвии. Соб. М. В. Вятчина, С. В. Просина.
- DU MVC 794 – Архив устной истории Даугавпилсского университета, зап. в г. Прейли в Латвии от Ефремовой Анны, 1927 г.р., род. в г. Прейли в Латвии. Соб. Д. Сталидзанае.

Литература и источники

- Амосова 2015 – *Амосова С.* Воспоминания о Холокосте (из коллекции краеведческого музея г. Биржай) // Евреи на карте Литвы: Биржай. Проблемы сохранения еврейского наследия и исторической памяти / отв. ред. И. Копченова. М.: Центр научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер»; Ин-т славяноведения РАН, 2015. С. 195–204.
- Амосова 2016 – *Амосова С.* «Еврейские» Любавичи в рассказах местных жителей // Норма и аномалия в славянской и еврейской культурной традиции / отв. ред. О. В. Белова. М.: Центр научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер»; Ин-т славяноведения РАН, 2016. С. 231–242.
- Белова 2013 – *Белова О. В.* Портрет этнического соседа: евреи глазами славян (по фольклорно-этнографическим материалам с Гродненщины) // Желудок: память о еврейском местечке / отв. ред. И. Копченова. М.: Центр научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер»; Ин-т славяноведения РАН, 2013. С. 63–81.
- Белова 2014 – *Белова О. В.* Историческая память и современный фольклор (на примере народных рассказов из бывших еврейских местечек поль-

- ско-украинско-белорусского пограничья) // *Historia mówiona w świetle nauk humanistycznych i społecznych* / red. S. Niebrzegowska-Bartmińska et al. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2014. S. 283–297.
- Белова, Петрухин 2008 – *Белова О. В., Петрухин В. Я.* «Еврейский миф» в славянской культуре. М.; Иерусалим: Мосты культуры / Гешарим, 2008. 569 с.
- Белянин, Закревская 2023 – *Белянин С., Закревская Е.* Как история становится фольклором: механизмы фольклоризации историй о войне и Холокосте // *Фольклор: Структура, типология, семиотика.* 2023. № 3 (в печати).
- Мороз 2015 – *Мороз А. Б.* Еврейский Лепель глазами сельских жителей // *Лепель: память о еврейском местечке* / отв. ред. С. Амосова. М.: Центр научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер»; Ин-т славяноведения РАН, 2015. С. 35–52.
- Мороз 2021 – *Мороз А. Б.* За что Гитлер не любил евреев: фольклорные версии истоков Холокоста // *Judaic-Slavic Journal.* № 2(6) (2021): История и культура белорусского еврейства. С. 155–172. DOI: 10.31168/2658-3364.2021.2.08
- Никитина, Лейдерман 2023 – *Никитина И. О., Лейдерман А. Л.* Евреи в Ильино: история, соседство и память // *Живая старина.* 2023. № 2. С. 21–24.
- Розенблат, Еленская 2009 – *Розенблат Е., Еленская И.* Память о Холокосте в Белоруссии. Стереотипы, мифы, табу // *История – миф – фольклор в еврейской и славянской культурной традиции* / отв. ред. О. В. Белова. М.: Центр научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер»; Ин-т славяноведения РАН, 2009. С. 153–179.
- Савина 2017 – *Савина Н.* Заметки о локальном тексте Глубокого // *Глубокое: память о еврейском местечке* / отв. ред. И. Копченова. М.: Центр научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер»; Ин-т славяноведения РАН, 2017. С. 153–176.
- Сидорова-Шпилькер 2013 – *Сидорова-Шпилькер М.* Евреи местечка Желудок // *Желудок: память о еврейском местечке* / отв. ред. И. Копченова. М.: Центр научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер»; Ин-т славяноведения РАН, 2013. С. 39–54.
- Энгелькинг 2018 – *Энгелькинг А.* Сказ полесского села, или о фольклоризации памяти о Второй мировой войне // *Славяноведение.* 2018. № 6. С. 27–46. DOI: 10.31857/S0869544X0001763-2
- Ясинская 2017 – *Ясинская М.* Образ иноэтнического и иноконфессионального соседа в нарративах жителей бывшего местечка Бешенковичи // *Контакты и конфликты в славянской и еврейской культурной тради-*

ции / отв. ред. О. В. Белова. М.: Центр научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер»; Ин-т славяноведения РАН, 2017. С. 315–332.

Cała 1995 – *Cała* A. The Image of the Jew in Polish Folk Culture. Jerusalem: Hebrew University in Jerusalem, 1995.

Shternshis 2014 – *Shternshis* A. Between Life and Death: Why Some Soviet Jews Decided to Leave and Others Chose to Stay Home in 1941 // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2014. № 15, 3. P. 1–28. DOI: 10.1353/kri.2014.0039

"Our Time Is Gone": Eschatological Motifs in Holocaust Narratives

Svetlana Amosova

Institute of Slavic Studies
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia
Researcher

ORCID: 0000-0001-7614-6549

Center Judea-Slavic

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences

Leninsky Avenue, 32 A

Moscow, 119334, Russia

Tel.: +7 (495) 938-17-80, Fax: +7 (495) 938-00-96

E-mail: sveta.amosova@gmail.com

The research was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation, project № 23-28-00796 “Catalog-Index of narratives and motifs about the Holocaust (based on materials from field work, social media and the media)”, <https://rscf.ru/en/project/23-28-00796/>

DOI: 10.31168/2658-3356.2023.12

Abstract. This article focuses on interviews conducted in various regions of Russia (Smolensk, Bryansk regions), Belarus (Vitebsk, Mogilev, Grodno regions), Ukraine (Ivano-Frankivsk regions), Latvia (Latgale), and Lithuania (Biržai) between 2009 and 2017. The article devotes vernacular forms of memory of the Second World War and the Holocaust, with a particular emphasis on the theme of non-resistance during executions. These narratives serve as a bridge

between oral history and folklore, representing a unique genre of local folklorized history. Speech clichés are associated with concepts of “fate” and eschatological ideas of the “end of times” for Jews. These narratives complement, expand and clarify the geography of existence of a number of plots. This will allow us to further work on an index of plots and motifs on this topic.

Keywords: *Holocaust, oral history, folklorization, Jews, neighborhood ethnography*

References

- Amosova, S., 2015, *Vospominaniia o Kholokoste (iz kollektzii kraevedcheskogo muzeia g. Birzhai)* [Testimonies of Mass Executions of Jews (from the Collection of the Biržai Local History Museum)]. *Evrei na karte Litvy: Birzhai. Problemy sokhraneniia evreiskogo nasledii i istoricheskoi pamiatii* [Jews on the Map of Lithuania: the Case of Biržai. Preserving Jewish Heritage and Historical Memory], ed. I. Kopchenova, 195–204. Moscow, Sefer Center for University Teaching of Jewish Civilization, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, 366.
- Amosova, S., 2016, “Evreiskie” Liubavichi v rasskazakh mestnykh zhitelii. *Norma i anomaliiia v slavianskoi i evreiskoi kul'turnoi traditsii* [Norm and Anomaly in Slavic and Jewish Cultural Tradition], ed. O. Belova, 231–242. Moscow, Sefer Center for University Teaching of Jewish Civilization, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, 272.
- Belianin, S., and E. Zakrevskaia, 2023, *Kak istoriia stanovitsia fol'klorom: mekhanizmy fol'klorizatsii istorii o voine i Kholokoste* [How history becomes folklore: folklorization mechanisms of war and Holocaust stories]. *Fol'klor: Struktura, tipologiia, semiotika*, 3 (In print).
- Belova, O., 2013, *Portret etnicheskogo soseda: evrei glazami slavian (po fol'klorno-etnograficheskim materialam s Grodnenshchiny). Zheludok: pamiat' o evreiskom mesteche* [The Shtetl of Zheludok in Contemporary Cultural Memory], ed. I. Kopchenova, 63–81. Moscow, Sefer Center for University Teaching of Jewish Civilization, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, 328.
- Belova, O., 2014, *Istoricheskaiia pamiat' i sovremennyi fol'klor (na primere narodnykh rasskazov iz byvshikh evreiskikh mestecek pol'sko-ukrainsko-belorusskogo pogranich'ia)* [Historical memory and contemporary folklore. The case of folk tales from former Jewish towns from the Polish-Ukrainian-Belarusian borderland]. *Historia mówiona w świetle nauk*

- humanistycznych i społecznych* [Oral History in the Light of the Humanities and Social Sciences], ed. S. Niebrzegowska-Bartmińska et al., 283–297. Lublin, Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 386.
- Belova, O., and V. Petrukhin, 2008, “*Evreiskii mif*” v slavianskoi kul'ture [Jewish Myth in Slavic Culture]. Moscow, Ierusalim, Mosty kul'tury / Gesharim, 570.
- Cała, A., 1995, *The Image of the Jew in Polish Folk Culture*, Jerusalem, Hebrew University in Jerusalem Press, 236.
- Engelking, A., 2018, Skaz polesskogo sela, ili o fol'klorizatsii pamiati o Vtoroi mirovoi voine [The tale of a Polesia village, or on the folklorisation of the memory on World War Two]. *Slavianovedenie*, 6, 27–46. DOI: 10.31857/S0869544X0001763-2
- Moroz, A., 2015, Evreiskii Lepel' glazami sel'skikh zhitelei [Jewish Lepel through the Eyes of Its Inhabitants]. *Lepel': pamiat' o evreiskom mestechke* [The Shtetl of Lepel in Contemporary Cultural Memory], ed. S. Amosova, 35–52. Moscow, Sefer Center for University Teaching of Jewish Civilization, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, 496.
- Moroz, A., 2021, Za chto Gitler ne liubil evreev: fol'klornye versii istokov Kholokosta [Why Hitler Didn't Like the Jews: The Folklore Version of the Reasons Behind the Holocaust]. *Judaic-Slavic Journal*, 2(6): Istoriiia i kul'tura belorusskogo evreistva [History and Culture of Belarusian Jewry]. 155–172. DOI: 10.31168/2658-3364.2021.2.08
- Nikitina, I., and A. Leiderman, 2023, Evrei v Il'ino: istoriia, sosiedstvo i pamiat' [The Jews in Il'ino: history, neighbourhood, and memory]. *Zhivaia starina*, 2, 21–24.
- Rozenblat, E., and I. Elenskaia, 2009, Pamiat' o Kholokoste v Belorussii. Stereotipy, mify, tabu [The memory of Holocaust in Belarus'. Stereotypes, myths, taboo]. *Istoriiia – mif – fol'klor v evreiskoi i slavianskoi kul'turnoi traditsii* [History – Myth – Folklore in Jewish and Slavic Cultural Traditions], ed. O. Belova, 153–179. Moscow, Sefer Center for University Teaching of Jewish Civilization, Institute of Slavic Studies Russian, Academy of Sciences, 439.
- Savina, N., 2017, Zametki o lokal'nom tekste Glubokogo. *Glubokoe: pamiat' o evreiskom mestechke* [The Shtetl of Hlybokae in Contemporary Cultural Memory], ed. I. Kopchenova, 53–176. Moscow, Moscow, Sefer Center for University Teaching of Jewish Civilization, Institute of Slavic Studies Russian Academy of Sciences, 376.
- Shternshis, A., 2014, Between Life and Death: Why Some Soviet Jews Decided to Leave and Others Chose to Stay Home in 1941. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 15, 3, 1–28. DOI: 10.1353/kri.2014.0039
- Sidorova-Shpil'ker, M., 2013, Evrei mestechka Zheludok [The Jews of the Shtetl of Zheludok], *Zheludok: pamiat' o evreiskom mestechke* [The Shtetl of Zheludok in Contemporary Cultural Memory], ed. I. Kopchenova, 39–54. Mos-

cow, Sefer Center for University Teaching of Jewish Civilization, Institute of Slavic Studies Russian Academy of Sciences, 328.

Yasinskaya, M., 2017, *Obraz inoetnicheskogo i inokonfessional'nogo soseda v narrativakh zhitelei byvshego mestechka Beshenkovichi* [The ethnic and confessional neighbor's image in the narratives of the residents of shtetl Beshenkovichi]. *Kontakty i konflikty v slavianskoi i evreiskoi kul'turnoi traditsii* [Contacts and Conflicts in Slavic and Jewish Cultural Tradition], ed. O. Belova, 315–332. Moscow, Sefer Center for University Teaching of Jewish Civilization, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, 384.

Статья поступила в редакцию 15 августа 2023 г.